

Татьяна Игоревна Афанасьева

Славянский азбучный гимн в древнерусских часословах XIII-XIV вв.

Обнаружение славянского азбучного песнопения в Ярославском часослове XIII в.¹ принадлежит А.И. Соболевскому. Он опубликовал стихотворную молитву, названную в рукописи азбуковъникъ (л. 207), и предположил, что она написана двенадцатисложным византийским политическим стихом, а ее акростих составлен по глаголической азбуке (Соболевский 1901). В последующей научной традиции большее внимание уделялось изучению другой молитвы с азбучным акростихом, находящейся перед Учительным евангелием Константина Преславского (ГИМ, Син. 262), поскольку она представлена значительным числом списков и имеет немало вариантов. Азбуковник из Ярославского часослова привлекал внимание значительно меньше и в основном фигурировал как сопоставительный материал к акростиху, представленному в азбучной молитве Константина Преславского.

А. Щепеткин, занимаясь древнерусским богослужебным сборником второй пол. XIV в. из Российской национальной библиотеки *Соф. 1129*, обнаружил в нем на лл. 35об. – 37 об. еще один список азбуковника. Он опубликовал его и указал, что список из Ярославского часослова имеет пропуск одного стиха на букву Ш, читающийся в *Соф. 1129*: Широто ми подди же млсти твоена прощение грѣховъ сѣсе мои (Щепеткин 2019: 146-148). Таким образом, в азбучном акростихе изучаемого гимна было две строки, начинающиеся на букву Ш: Широтж и Шьствиа (Андреев, Афанасьева 2023: 125-126). Такая важная находка побуждает уточнить предшествующие научные описания данного песнопения.

Азбучный гимн Ярославского часослова находится в чине мефимона (повечерия) среди других, переводных с греческого гимнов. Они представляют собой византийские изосиллабические песнопения, которые начали изучаться П. Маасом, обнаружившим их в орологии 1025 г. *Erlangen A2*. и подробно описавшим их метрическую структуру. По его мнению, эти анонимные поэтические произведения были созданы в V-VI вв. (Маас 1909). В некоторых греческих источниках они названы гимнами *κατὰ στίχων*, т. е. такими, в которых принципы изосиллабизма и гомотонии соблюдаются в каждой строке (в каждом "стихе"), в отличие от многострофных жанров византийской гимнографии (кондаков и канонов), где они выдерживаются в каждой

¹ Рукопись Ярославского музея-заповедника ЯМЗ 15481.

строфе. Некоторые из этих гимнов имеют азбучный акростих, например, в рукописи *Sinai. gr. 864* помещен азбучный гимн Богородице (Тгурапiс 1972: 334). Еще одна особенность данных песнопений – принадлежность к ночному богослужению, о чем свидетельствует тема моления в полночь, встречающаяся во многих гимнах. Норвежский исследователь С. Фрейсхоф указал, что гимны *κατὰ στίχων* известны в славянской традиции. Изучение этих текстов в составе древнерусских часословов показало, что у славян сохранились некоторые гимны, неизвестные в греческих источниках и расширяющие наши представления о репертуаре этих текстов в Византии (Андреев, Dalmat [Yudin] 2021). Кроме того, было обосновано предположение, что данные песнопения были переведены в Золотой век древнеболгарской литературы IX-X вв., но сохранились преимущественно в русских источниках, а азбуковник в Ярославском часослове является славянским подражанием греческому равносложному гимну (Андреев, Афанасьева 2023: 121). Таким образом, данное песнопение сделано по образцу гимнов *κατὰ στίχων*, имеет упоминание о ночном богослужении: **нощию ма на пѣвнѣ оукрѣпи таготюу сонноюю ѿгнавъ ми**, – а азбучный акростих содержит две буквы Ш.

Важно отметить, что азбучная молитва Константина Преславского также содержит акростих с двумя буквами Ш: **Шѣстькрилатъ и Шѣствоую**, причем последний стих в азбучной молитве и в азбучном гимне начинается однокоренными словами **Шѣствоую** и **Шѣствина** соответственно. Реконструкция азбучной молитвы имела долгую научную историю,² обилие списков этого текста вызвало споры относительно реконструкции тех или иных мест. В нашей работе мы ограничимся только теми наблюдениями, которые делались относительно последних стихов молитвы, содержащих изучаемые согласные, т. е. от Ч и до Ъ. Несомненно, интерпретация конца славянского алфавита вызывает наибольшие затруднения, поскольку после Ч отсутствует жесткий порядок следования букв: **Ѡ** означает 1000 и далее буквы не несут цифровых значений³.

Для сравнения мы традиционно привлекаем древнейшие глаголические абecedарии, Парижский и Мюнхенский. Первый был впервые опубликован В. Ягичем по Парижской рукописи, которая в настоящее время считается утраченной (Ягич 1911: 35). Мюнхенский абecedарий теперь доступен в интернете, поскольку латинская рукопись *BSB Clm 14485* представлена на сайте Баварской государственной библиотеке в Мюнхене⁴. Хорошее качество снимка позволяет уточнить некоторые спорные моменты, которые возникали при интерпретации последовательности отдельных букв (подробнее см. ниже). Данные по более поздним абecedариям: Бандуриевому, содержащему названия славянских букв, записанных по-гречески; и Стокгольмско-

² См. обобщающую библиографическую работу Ю. Фухсбауера (Fuchsbaauer 2023: 63-76).

³ Есть предположения, что в глаголице все же были цифровые значения у букв Ш (2000) и Ъ (3000), сделанные на материале более поздних глаголических текстов (Раснерова 1968: 587-589; Mareš 1971: 167).

⁴ <<https://daten.digital-e-sammlungen.de/0004/bsb00046309/images/index.html?fip=193.174.98.30&id=00046309&seite=304>>.

лѡта и Шествѣта, в то время как второй цикл стихир имеет лишь одну букву Ш, с нее начинается начальное слово стиха Широтам⁴. Таким образом, мы видим, что в бого-служебных песнопениях в большинстве случаев присутствуют два стиха на букву Ш, как и азбучном гимне из *Соф. 1129*.

1. В Мюнхенском абecedарии две буквы Ш имелись в глаголической части, в то время как в кириллической второму Ш соответствовала Щ. Схожая картина наблюдается в абecedарии в *Сказании о письменех черноризца Храбра по списку МДА 145*, в котором вторая Ш сопровождается последующим ерем. В Соловецком списке содержатся уже более поздние переосмысления, на которых мы остановимся ниже. В Болгарском абecedарии количество и порядок следования букв отличаются, в нем содержатся утраты.

Мюнхенский абecedарий	Храбр (МДА 145, л. 381)	Храбр (Сол. 1023/913, л. 208об.)
ѠШ: ѡ: Ш: Ѡ: ѡ: Ѧ:	Ѡ Ш. ѡ. шь. ѡь. ѡ. ѡ.	Ѡ. шѡ. ѡь. ѡь. ю. ѡ.
Ѣ: Ш: ѡ: Ѡ: ѡ: Ѧ:		

Интерпретация данного места в абecedариях с давних пор вызывала научные дискуссии. Рудольф Абихт, рассматривая этот ряд букв в трактате Храбра, предположил, что загадочные шь, ѡь обозначают аббревиатуры названий еров: ѡ – широкѡ, ѡ – малѡ (Abicht 1910: 213). При этом остается необъясненным, почему рядом с шь и ѡь все-таки находятся сами знаки ѡ и ѡ, получается, что обе буквы дублируются: сначала приводится их написание, а потом название.

Н.Н. Дурново видел в Мюнхенском абecedарии следующую последовательность букв, находящихся на отрезке Ѡ-Ѧ:

ѠШ: ѡ: Ш: Ѡ: ѡ: Ѧ:
Ѣ: Ш: ѡ: Ѡ: ѡ: Ѧ:

Поскольку после Ѡ в глаголической части абecedария нет двоеточия (знака, которым отделены все буквы друг от друга), Дурново видит здесь сочетание ЧШ и объединяет эти буквы под № 28 (Durnovo 1930: 34). Такое прочтение отказывает глаголическому алфавиту в самостоятельной букве Ч. Кроме этого, вопреки знаку : Дурново был склонен объединить в одну букву Ѡ:ѡ, потому что им в кириллице соответствует весьма странно написанный ѡ (Durnovo 1930: 34). Видимо, он так поступает, чтобы сохранить количество букв в кириллической и глаголической части, он считает, что их число одинаково 38 (Durnovo 1930: 33). Относительно глаголического Ѡ Дурново, как известно, выдвинул предположение, что эта буква в первоначальной глаголице означала не [ʃtʰ], а звук [kʰ], известный по западно-македонским говорам, и была наряду с ѡ [gʰ] и ѡ [hʰ] одной из трех букв, обозначавших смягченные заднеязычные согласные

(Дурново 1929: 56-58). Мнение Дурново было поддержано и развито В. Ткадльчиком (Tkadlčík 1963: 340-366), а также А.А. Зализняком (Зализняк 1999: 542-551).

Р. Нахтигал комментировал данное место по-другому. Второе Ш введено ради того, чтобы обозначить ѣ, с которого не может начинаться ни одно славянское слово, поэтому в данном месте нарушался принцип акростиха и приводилось слово, в котором ѣ присутствовал, но не стоял на первом месте (Nahtigal 1942: 65-66)

Ф. Мареш создал таблицу соответствий между буквами глаголицы в абecedариях и акростихах, в ней он исключил вторую Ш и заменил ее на Ѡ (Mareš 1971: 166-167). В качестве комментария он предположил, что литера Щ (в некоторых памятниках другая Ш) изначально определенно стояла после Ш и Ъ, как свидетельствует кириллический алфавит. Этот же порядок отражен во всех редакциях *Сказания о письменех*, а также в глаголической и кириллической части Мюнхенского абecedария, кроме того, на это указывает древнее числовое значение Ш 2000 и Ъ 3000. Вероятно, в архетипах стихов для Щ была особая строка, как можно заключить из сходства с начальным словом *Шьствоуѣж* в азбучной молитве. По мнению Мареша, это именно стих для Щ; позднее переписчиков смутило, что у них в подлиннике два стиха для Ш, поэтому один пропущен, в частности, в азбуковнике Ярославского часослова (Mareš 1971: 170-171).

По-другому интерпретировал это место В. Мошин, и, на наш взгляд, его аргументация лучше всего соотносится с исследуемым нами материалом. Сравнивая алфавиты в Мюнхенском абecedарии, он вслед за Марешем отметил, что количество букв глаголической части больше (39), чем в кириллической (38), и виной этому является буква Ѡ, которой не нашлось аналогов в кириллице. Она передавала особый звук, моравский фонетический вариант звука *i* – [ji], известный в западно- и южно-славянских диалектах (Mošin 1973: 21). Фонетическое значение глаголической Ш, по Мошину, было не [š], а Ш [šč], правда, в последнем случае он был не уверен, поэтому после транскрипции поставил знак вопроса (Mošin 1973: 15). Вслед за В. Ягичем, С. Кульбакиным и Р. Нахтигалом, он считал, что в азбуке Храбра не было буквы Щ, поскольку ее нет в глаголической части Мюнхенского абecedария, она есть только в кириллическом ряду. Буквы Щ нет в Болгарском абecedарии и в Московском списке *Сказания Храбра*. Кроме того, в преславских граффити Щ появляется не ранее середины X в. (Mošin 1973: 24). Относительно предположения Н.Н. Дурново, о том, что изначально фонетическое значение буквы Ѡ с цифровым значением 800 было смягченное [к'], но она не встречалась в начале слова и называлась 'пе', Мошин высказывает следующие сомнения. В западно-македонских диалектах с [к'] слова могли начинаться, например, *к'ерка* (дочь), *к'у* (я буду), а поэтому название 'пе', видимо, должно относиться к другой букве (Mošin 1973: 25). Действительно, со времен Ягича (Ягич 1885-1995: 317) многие ученые видели в названии 'пе' обозначение греческой буквы ψ, что подтверждается на примерах из акростихов: (*ψ*дмъ, пѣсь). Мошин больше склонен доверять мнению Б. Велчевой, предположившей, что глаголическая Ѡ изначально означала аффрикату [št'] или [šč], потому что именно в таком значении представлена во всех дошедших до нас старославянских рукописях, кроме Киевских

и Пражских листков, где праславянское *tj имело рефлекс ц. Несмотря на фонологические доводы Н.Н. Дурново, никакого параллелизма между Ѣ и Ѡ, Ъ и Ѣ, Ѡ и Ѣ не наблюдается (Велчева 1973: 123-124). Но в отличие от Велчевой, Мошин считал, что буквы Ѣ не было в первоначальной глаголице, она появилась позднее под влиянием кириллицы путем замены хвостика у Щ на кружочек.

Для Мошина связь глаголического варианта Храбровой азбуки с глаголической системой Мюнхенского алфавитариума и акростихом молитвы Константина Преславского очевидна. Мошин вполне логично заключает, что несоответствие порядка букв в акростихах и в алфавитариумах Храбра и Мюнхенской рукописи объясняется тем, что с Ъ и Ь не могут начинаться слова в славянских языках, поэтому в акростихах они пропущены, и число букв в них 36, а не 38. Оба акростиха, как и древнейший вариант Храбровой сказания, восходят ко времени моравско-паннонской миссии Кирилла и Мефодия и представляют собой кириллическую транслитерацию в период кириллической адаптации первоначальной письменности в преславско-охридской области (Мошин 1973: 32). О моравском происхождении *Сказания о письменех* свидетельствует числительное *четыри междуу десатьма*, сохранившееся в некоторых списках, например, в *Чуд. 269*, тогда как в большинстве читается буквенная цифирь .Ѡд. Такой тип образования числительных третьего десятка известен в старочешском языке и не свойственен южнославянским языкам (Nachtigal 1948: 16; Mareš 1971: 150). Кроме того, в Московском списке число славянских букв в азбуке Кирилла (14) передано как Г. Ѡ, в чем усматривается искажение изначального Г, восходящее к глаголической цифровой системе ѠѢ – 14.

Акростих Константиновой молитвы, как и азбука в *Сказании Храбра*, несомненно, моравского происхождения, потому что в них после Щ на месте позднего ШТ стоит ранний диграф Ѡшь. Чем, по мнению Мошина, является этот диграф Ѡшь в первой Храбровой редакции и *Шьствую* в константиновой азбучной молитве? Во-первых, диграф из Храбровой азбуки не имеет звукового соответствия в *Шьствую* из азбучной молитвы. Если бы действительно многие названия славянских букв могли получиться из начальных слов азбучных молитв, то название 'шта' для Щ можно связать лишь с более поздними акростихами, например, с молитвой "Азь есмь Богъ" из третьей редакции *Сказания о письменех*, а точнее болгарской переделке этого произведения, в которой для Щ читается следующая фраза *Щю мы Ѡвѣщае (!) та до втораго пришествиа* (Ягич 1885-1895: 304), но это не Ѡшь. Вкрапление слова на букву Щ – *щѣдроты* – появляется во многих поздних списках *Сказания*, в пассаже, где перечисляются слова с начальными исконно славянскими звуками. Они свидетельствуют о добавлении ее задним числом в тот текст, в котором изначально такой буквы не было.

Во-вторых, нельзя этот диграф объяснить как смягченную букву Щь в противовес твердому Шь, как это представлено в соловецком списке *Сказания Храбра* (см. выше), содержащем более поздние исправления. Во времена Храбра звук [š] был мягким, а буква Ь вообще не была знаком смягчения, это была отдельная фонема. В Парижском алфавитариуме и глаголической азбуке Димитрия буквы ШТ нет, а в более

позднем Бундуриевом аббедарии для Щ приводится греческое название *σθια*, в Стокгольмском – *sstyā*. Возможно, Храбров диграф *шь* означает тот же звук, букву для которого требовалось внести в состав глаголицы на Балканах для болгарского *št'* или для его македонского оттенка. Кириллическое *шь* из *Сказания Храбра* по московскому списку представляет собой кириллическую транслитерацию глаголического диграфа для болгарской аффрикаты [ʃt'], до того как кириллический диграф Ц получил свой облик, который потом был модифицирован в глаголице из Ш с кружком – Ѵ. Мюнхенский аббедарий как раз и отразил тот переходный момент в процессе окончательного устройства глаголицы и кириллицы путем их взаимного складывания. В его кириллическом ряду есть Ш и Ц, которые ясно показывают модификацию буквы Ш с помощью хвостика. Но у глаголицы [ʃt'] или [šč] еще не получило свой окончательный облик, ее азбука показывает попытку решения этой задачи с помощью поворота глаголического Ш (Mošín 1973: 32-33). Таким образом, в древней глаголице значение [šč] имела буква Ш, а звук [š] обозначался вышедшей впоследствии из употребления буквой Ш, поскольку она не зафиксирована ни в одном старославянском памятнике. Именно такое состояние глаголического алфавита и отражают древнейшие богослужебные азбучные песнопения – изосиллабический гимн в составе Часослова и циклы стихир в составе праздничной Минеи.

Представим соотношение акростихов, начиная с буквы Ч, по таблице Г. Попова (Попов 2003: 34-35, см. ТАБЛИЦА 1, ниже), в которую включены акростих по *Соф. 1129*, а также данные важнейших глаголических аббедариев.

Наибольшую трудность в интерпретации вызывает буква *мь* в азбуке Храбра, которой в акростихах соответствует И. В Мюнхенском аббедарии на этом месте есть только глаголический Ѳ, в кириллическом ряду буква отсутствует. Р. Нахтигал предполагал, что в списке *МДА 145* отражена перестановка букв, изначально было *im, и тогда это могло быть название буквы, подтверждающееся в молитве Константина Преславского Имени. Но в других азбучных стихах для буквы Ѳ представлены другие слова-инципиты: Иного, Играи, так что это предположение вряд ли соответствует действительности. В Бундуриевом аббедарии на этом месте записано название *μη*, и Велчева вслед за Кульбакиным предполагает, что это могло быть название для буквы Ы (Велчева 1973: 121). Однако изначально буквы Ы в глаголическом алфавите не было, поскольку она передается как сочетания Ъ с разными вариантами И (*ѡѢ*, *ѡЖ*), и только в ходе окончательного устройства азбуки этот звук в кириллице стал обозначаться единообразно. Если бы Ы был изначально монофонг, то его бы не обозначали через два гласных *ѡи* и *ѡѡ*. Поскольку Константинова азбука была глаголицей, можно с большой долей уверенности сказать, что графема для Ы не могла быть Ѳ. Она обозначала третье *i*, а точнее звук [ji] (Mošín 1973: 34). Таким образом, последовательность букв в конечной части акростиха гимна из *Соф. 1129* вполне соответствует Мюнхенскому аббедарию, алфавиту *Сказания Храбра* и богослужебным азбучным песнопениям древнейшей эпохи. Все эти памятники восходят к одному кругу книжников, использовавших глаголицу в своей литературной деятельности.

ТАБЛИЦА 1

АзБКП*	АзБРХ ₁	АзБРХ ₂	АзББГ ₁	АзББГ ₂	Азб. Соф. 1129	Мюнх.абц. глаг. / кир.	азб. Храбра по МДА 145**
Ўюдеса	Ўини	Ўдѣниѣ	Ўюдо	-	Ўиномъ	Ѡ / ѡ	ѡ (ѡдѣниѣ)
Шестъкрилатъ	Шестокрилатѣ	Широтамъ	Шестокрѣлати	Шестокрилатиѣ	Широтоу	Ш / ш	ш (широтѣ)
						Ѣ / ѣ	ѣ
Шѣтвоую	Шѣствиѣ	-	Шѣствиѣ	Шѣствоуюѣѣ	Шѣствиѣ	Ш / ш	шѣ
Имени	Игри	Иѣкъве	Игри	Игриѣте	Иного	Ѧ / -	мѣ
						Ѣ / ѣ	ѣ
Ѡвѣ	Ѡкоже	Ѡкоже	Ѡко	Ѡдръ	Ѡко	Ѡ / ѡ	ѡ (ѡдѣ)
Хвѣлоу	Хвѣла	Хльми	Хвѣлами	Хвѣлимиѣ	Хвѣлами	Ѣ / ѣ (?)	хѣлѣ***
Юже	Ѡже	Юже	Ѡже	Ѡже	Юже	Ѣ / ю	ѡ (ѡждоу)
Юнъ	Юже	Ѡже	Юже	-	Юже	Ѣ / ѡ	ю (юность)
Ѡзъикъ	Ѡзъици	Ѡдро (Ѡдро)	Ѡзъици	-	Ѡзъикомѣ	Ѣ / Ѡ	ѡ (Ѡзъикъ)
						Ѣ / ѡ	

* Сокращения, принятые у Г. Попова: АзБКП – азбучная молитва Константина Преславского, АзБРХ₁ – первый цикл азбучных стихир на Рождество Христово, АзБРХ₂ – второй цикл стихир на Рождество Христово, АзББГ₁ – первый цикл стихир на Богоявление, АзББГ₂ – второй цикл стихир на Богоявление.

** В скобках приводятся примеры слов в трактате Храбра, начинающихся на славянский звук, в том же списке МДА 145, л. 38о. Слова ѡды, ѡность и ѡзыкъ в таблице даны в нормализованном виде.

*** Эта буква размещена у Храбра среди букв, “подобных греческим письменам”, все остальные буквы следуют в том порядке, в котором они даны в таблице.

2. Изосиллабический гимн с глаголическим акростихом, известный по Ярославскому часослову и *Соф. 1129*, со временем начинает восприниматься как молитва и с названием 'азбука покаяльная' присутствует во многих подборках азбучных молитв, известных в среднерусских рукописях со второй половины XV в. По одной из таких рукописей (РГАДА, МГАМИД 550) она была опубликована Соболевским (Соболевский 1902: 11). В.И. Лукьяненко и Э.Г. Зыков собрали значительное число списков "азбуки покаяльной", древнейшие из которых – РНБ, *Q.I.1130* и РБГ, *Муз. 10261*⁶ – относятся ко второй половине – концу XV в. (Лукьяненко 1958: 248; Зыков 1974: 312).

Сравнивая текст 'азбуки покаяльной' и с азбучным гимном из Часослова, можно убедиться в том, что первоначальный текст был существенно переработан. Во-первых, молитва была переориентирована на кириллицу и стихи на специфические глаголические буквы были изъяты. Стих для *гервя *Беонъи и ма изъбави въчьнъна и гроузы и чръви неосуыпающа* в ранней рукописи *Q.I.1130* был переосмыслен: *говънъма избави и въчьныя тмы и ѡгна и черви неосуыпающаго*, причем начальная Г не выделена киноварью, и это предложение продолжает предыдущий стих. Но в более поздних списках этот пассаж полностью упраздняется. Вместо исконного стиха на ШІ **Широтъ подаждь милости твоѣа*: прошение грѣховъ съпасае мои появляется стих *Щедрыи человеклоубец, не помяни безаконий моихъ, направи въкъ гордлици*. Упразднен стих на третий И **Иного бо не съвѣмъ развѣ тебе*. Во-вторых, конечная часть гимна подверглась существенной переработке. Здесь неожиданным образом появляются строки на Ъ, Б и на ЪІ, хотя изначально эти буквы не фигурировали в акростихах, поскольку на них не могли начинаться слова. Буква Ъ иллюстрируется словом *ѡгда*, а Б – *ѡрегници*, последний вариант, видимо, объясняется созвучием с названием буквы 'ерь'. ЪІ – передано через слово *Рыдание*, и абзучный принцип составления молитвы нарушен. Эти три стиха обнаруживаются в другой 'толковой азбуке' – *Азбуке об Адаме* (Демкова, Дробленкова 1968: 61), так что, возможно, на конечную часть текста повлияла другая азбучная молитва. Стихов на носовые гласные *а, ѡ* и на *ю* нет. Стих на Ъ **Ъко съи родомъ милостивъ богъ отьць и сынъ и сватъин доухъ* приобретает следующий вид: *Яти будутъ немлстивими аггелы и лукавыми бтсы, вѣдуце и въ муку въчьную влщяюще*. В-третьих, некоторые стихи претерпели переосмысления и имеют значительное число разночтений с первоначальным текстом. Например, в стихе на Б: *Боуръ ма грѣховъна потапаветъ нъ въ твои тишинъ настави мене* изъят конечный пассаж: *Буря мя грѣховная потопляетъ*. Стих на Г: *Грѣховънъна ми влънъи оутѡли* и ниже *гроузимъ въпниъ къ тебѣ* переделан и выглядит как *Горкия слезы даи мнѣ имижѣ очищу скверныя грѣхи*. В некоторых стихах произведены лексические замены: *мъгъгарю* заменено на *мздоимцу* (стих на М), *недостѡннаго раба* заменено на *неключимаго раба* (стих на С).

⁶ Список из Музейного собрания мне указал А.Н. Левичкин.

Все приведенные примеры демонстрирует существенные упрощения ‘азбуки покаяльной’ по сравнению с ее оригиналом – изосиллабическим гимном в составе древнего Часослова. Эти упрощения, несомненно, делались на Руси и опирались на общепринятую кириллическую азбуку этого времени и на другие азбучные молитвы, которые получили широкое распространение с XIV в.

Схожие преобразования, хотя и не столь существенные, затрагивают и азбучную молитву Константина Преславского: стих со вторым Ш подвергается разного рода искажениям, например, в рукописи РГБ, *Волок. 551* читаем *Ществіе се творя послужь уѣтьль* (Куев 1974: 215), что свидетельствует о весьма неумелом внедрении буквы Щ в первоначальный акростих. Второе Ш также убирается с помощью слова *Сшествую по следоу уѣтльа моего* в Румянцевском списке 1494 года (Куев 1974: 196), но такая замена нарушает акростих. Глаголический Ѡ (гервь) довольно рано заменяется на Л, это уже наблюдается в древнейшем списке молитвы *Син. 262* (*Летить во нынѣ словенско плема*), ввиду того что варианты его кириллического начертания Ѡ схожи с Л, а также их числовое значение было одинаковым: Ѡ в глаголице и Л в кириллице передавали цифру 30 (Моїшп 1973: 22-23). Поскольку в азбуке Храбра древнейшего типа по списку МДА 145 вместо Ѡ стоит Л, то, видимо, эта замена произошла очень рано. В некоторых русских списках этот стих переделывается в загадочную фразу *И лѣтъ ти во нына словенско плема* и перемещается на позицию второго И, вытесняя стих *И проситъ дары твоа приати*, таковы списки Увар. 55 нач. XV в., списки XVI в. *Соф. 1294*, *Волок. 551*, и 573, Соловецкие списки, *ТСЛ. 103* (Куев 1974: 199, 211, 214, 218, 221, 224, 234). В других списках этот стих просто упраздняется, и в азбучной молитве остается два стиха на И, а стих на *гервь* отсутствует. Все остальные буквы в акростихе сохраняются, и это, несомненно, связано с тем, что авторитет этой азбуки был очень велик, она сохранилась в большом числе рукописей и имела широкую письменную традицию. По мнению Е. Георгиева, по ней с древних времен выучивали алфавит и названия букв при обучении чтению и письму (Георгиев 1956: 153).

В *Сказание о письменех* черноризца Храбра также вносятся подобные замены, слово *щедроты* появляется в ряду слов, начинающихся специфическими славянскими буквами, и такая редакция представлена в Савинском и Чудовском списках XV в. (Куев 1967: 195, 198) и в подавляющем большинстве поздних списков. В алфавит Храбра вместо загадочного *шь* вставляется буква Щ, а *мь* упраздняется. Буква л, написанная вместо Ѡ в ряду 14-ти славянских букв, также исчезает.

Азбучные акростихи, ориентированные на кириллицу, и кириллические абecedарии, известные по берестяным грамотам и рукописям, собранные в единую таблицу А.А. Зализняком (Зализняк 1999: 553), не содержат стихов на *гервь*, на второй Ш и на третий И. Это хорошо видно по многочисленным молитвам, называемым в рукописях ‘азбуки толковые’ и имеющим азбучный акростих: “Азь есмь Бог” (Ягич 1885-1895: 304), “Азь есмь свѣтъ всему миру” и “Азь воскресохъ отъ мертвыхъ” (Соболевский 1910: 30-35; Мареш 1964: 5-24). Мареш предполагал, что акростих молитвы “Азь есмь свѣтъ всему миру” восходит к глаголической азбуке, считая, что изначально в

ней было три буквы для [i] (Mareš 1964: 18). Нахождение новых списков, текстологическое исследование этой молитвы и ее публикация Н.С. Демковой и Н.Ф. Дробленковой показывают, что все эти азбуки все-таки составлены по образцу кириллицы, в которой нет места для *гервя*, трех И и двух Ш (Демкова, Дробленкова 1968: 54-61).

Итак, глаголический азбучный акростих, представленный в Часослове древнейшей эпохи, построен по одному образцу с богослужебными песнопениями в составе Праздничной минеи, и одним из важных признаков их акростихов является отсутствие стиха для буквы Щ (в этом месте алфавита два стиха на Ш₁ и Ш₂), поскольку в древней глаголице такой графемы еще не было. Она появляется в кириллице, а потом заимствуется в глаголицу, так как в X в. еще обе азбуки употребляются равноправно. В дальнейшем наряду с появлением Щ, из акростихов начинают исчезать строки, начинающиеся с глаголических букв Ѡ/ћ (гервь)⁷ и Ѡ (третье И) – именно такими становятся азбучные акростихи более позднего времени, ориентированные на кириллицу. По этим образцам сделаны многочисленные азбучные молитвы, предназначенные прежде всего для обучения и для частной молитвы.

Литература

- Андреев, Афанасьева 2023: А.А. Андреев, Т.И. Афанасьева, *К истории древнеболгарского Часослова*, “Scripta & e-Scripta”, XXXIII, 2023, 1, с. 105-134.
- Велчева 1973: Б. Велчева, *Въпросът за Щ в глаголическата азбука*, “Известия на Институт на Български език”, XXII, 1973, с. 105-124.
- Георгиев 1956: Е. Георгиев, *Кирил и Методий, основоположници на славянските литератури*, София 1956.
- Демкова, Дробленкова 1968: Н.С. Демкова, Н.Ф. Дробленкова, *К изучению славянских азбучных акростихов*, “Труды Отдела древнерусской литературы”, XXIII, 1968, с. 27-61.
- Дурново 1929: Н.Н. Дурново, *Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов*, “Byzantinoslavica”, 1929, 1, с. 48-85.
- Зализняк 1999: А.А. Зализняк, *О древнейших кириллических алфавитах*, в: *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник научных статей к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*, Москва 1999, с. 543-576.
- Зыков 1974: Э.Г. Зыков, *Русская переделка древнеболгарского стихотворения*, “Труды отдела древнерусской литературы”, XXVIII, 1974, с. 308-316.

⁷ Буква Ѡ (гервь) представлена в большинстве алфавитных стихир в составе Праздничной минеи и реализована словами Геоны и Гдлителя (Попов 2003: 35).

- Куев 1967: К. Куев, *Черноризец Храбр*. София 1967.
- Куев 1974: К. Куев, *Азбучна молитва в славянските литератури*. София 1974.
- Лукьяненко 1958: В.И. Лукьяненко, *К истории русского букваря. (Роль и значение азбучного акростиха в процессе обучения русской грамоте в XIV, XV и первой половине XVI в.)*, "Труды Ленинградского библиотечно-го института им. Н.К. Крупской", IV, 1958, с. 239-254.
- Попов 2003: Г. Попов, *Акростих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия*, в: *La poesia liturgica slava antica. Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubliana, 12-21 Agosto 2003). Blocco tematico N 14. Relazioni*, Roma-Sofia 2003, с. 30-55.
- Соболевский 1901: А.И. Соболевский, *Церковнославянские стихотворения IX-X веков и их значение для изучения церковно-славянского языка*, Москва 1901.
- Соболевский 1910: А.И. Соболевский, *Древние церковнославянские стихотворения IX-X вв. в.: Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии*, Санкт-Петербург 1910, с. 1-29.
- Щепеткин 2019: А.В. Щепеткин (диаак.), *Часослов XIV в. (РНБ. Соф. 1129) и соответствующая ему богослужбная традиция* "Вестник Екатеринбургской духовной семинарии", XXVII, 2019, 3, с. 125-153.
- Ягич 1885-1895: И.В. Ягич, *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке*, в: *Исследования по русскому языку*, I, Санкт-Петербург 1885-1895, с. 289-1067.
- Ягич 1911: И.В. Ягич, *Графика у славян*, Санкт-Петербург 1911 (= *Энциклопедия славянской филологии*, III).
- Abicht 1910: R. Abicht, *Das Alphabet Chrabrs*, "Archiv für Slavische Philologie", XXXI, 1910, с. 210-217.
- Andreev 2022: A. Andreev, Hieromonk Dalmat (Yudin). *Kata Stichon Hymnography in the East Slavic Tradition*, "Religions", XIII, 2022, 1, Article 40. <<https://doi.org/10.3390/rel13010040>>.
- Durnovo 1930: N.N. Durnovo, *Das Münchener Abecedarium*, "Byzantinoslavica", 1930, 2, с. 32-41.
- Fuchsbauer 2023: Fuchsbauer J. *Zur frühen Überlieferung der Azbučna molitva des Konstantin von Preslav*, "Slovo. Časopis staroslavenskog Instituta" LXXIII, 2023, с. 63-77.
- Nahtigal 1942: R. Nahtigal, *Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvornih pesnitev*, "Razprave Akademije znanosti in umetnosti v Ljubljani, Filozofsko-Filološko-Historični Razred", I, 1942, с. 43-155.

- Nahtigal 1948: R. Nahtigal, *Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina Cirila*, "Slavistična revija", I, 1948, c. 5-18.
- Maas 1909: P. Maas, *Gleichzeitige Hymnen in der byzantinischen Liturgie*, "Byzantinische Zeitschrift", XVIII, 1909, c. 309-356.
- Mareš 1964: F.V. Mareš, *Azbučna basen z rukopisu statni vereine Knihovny Saltykova-Sčedrina v Leningradě (Sign. Q.1.1202). (Původní text abecední básně?)*, "Slovo. Časopis staroslavenskog Instituta", XIV, 1964, c. 5-24.
- Mareš 1971: F.V. Mareš, *Hlaholice na Moravě a v Čechách*, "Slovo. Časopis staroslavenskog Instituta", XXI, 1971, c. 133-200.
- Marti 2023: R. Marti, *Der Traktat O писменехъ des Mönchs Chrabr*, "Slovo. Časopis staroslavenskog Instituta", LXXIII, 2023, c. 79-94.
- Miklas 2021: H. Miklas (hrsg.), *Psalterium Demetrii Sinaitici et Folia Medicinalia (Monasterii sanctae Catharinae codex slavicus NF 3, II, Wien 2021*.
- Mošin 1973: V. Mošin, *Još o Hrabru, slavenskim azbukama i azbučnim molitvama*, "Slovo. Časopis staroslavenskog instituta", XXIII, 1973, c. 5-71.
- Pacnerová 1968: L. Pacnerová, *Číselné hodnoty pro tisíce ve staročeském hlaholském Komentoru*, "Slavia. Časopis pro slovanskou filologii", XXXVII, 1968. c. 587-589.
- Tkadlčík 1963: V. Tkadlčík, *Dvě reformy hlaholského písemnictví*, "Slavia. Časopis pro slovanskou filologii", XXXII, 1963, 3, c. 340-366.

Abstract

Tatiana Igorevna Afanasyeva

The Slavonic Alphabetical Hymn in Medieval Russian Horologia of the 13th-14th Centuries

The article is devoted to a Slavonic alphabetical hymn found in the earliest Slavonic Horologia and preserved in two sources: the well-known Jaroslavl' Horologion of the 13th century and the recently discovered liturgical book for cell prayer Sof. 1129 from the 14th century. In the latter source the alphabetical hymn contains two verses starting with the letter III, a feature that it shares also with the Alphabetical Prayer of Constantine of Preslav and with the oldest Slavonic alphabetical hymnography, recently identified by G. Popov, found in the Festal Menaion. The question of the evidence of the Glagolitic alphabet found in Cyrillic acrostics is once again discussed in the article, and the opinion of V. Mošin that the Glagolitic acrostics are closely related to the alphabets that figure in *On the Letters* by Černorizec Chrabr and in the Munich Abecedarium is confirmed. The subsequent fate in Medieval Rus of the alphabetical hymn from the Horologion is then traced. The hymn, in a significantly reworked form, is widely found in manuscripts starting with the end of the 15th century as a prayer titled "Alphabetical [prayer] of repentance". At the end of the article, an attempt is made to show the main differences between acrostics based on the Glagolitic and Cyrillic alphabets.

Keywords

Oldest Slavonic Alphabetical Hymns; Glagolitic and Cyrillic Acrostics in Medieval Russian Literary Documents.